

И порхаетъ,
 И летаетъ
 Съ сладострастною мечтой
 Надъ дѣвицей молодой.
 Но лишь только опускаетъ раскрасавица окно,—
 Все надъ Терекомъ суровымъ и мертво, и холодно.
 Улыбнись, душа-дѣвица,
 Улыбнись, моя любовь;
 И вечерняя зарница
 Освѣтитъ природу вновь!
 Нѣтъ! жестокая не слышитъ
 Робкой жалобы моей,
 И въ груди ея не пышетъ
 Пламень нѣги и страстей.
 Будетъ время, равнодушная краса:
 Разнесется отъ печали свѣтлорусая коса!
 Сердце пылкое, живое
 Загруститъ во тьмѣ ночной,
 И страданіе чужое
 Ознакомится съ тобой;
 И откроешь ты ревниво
 Потаенное окно,
 Но любви нетерпѣливой
 Не дождется ужъ оно!

АХАЛУКЪ.

Ахалукъ мой, ахалукъ,
 Ахалукъ демикотонный,
 Ты—работа нѣжныхъ рукъ
 Азіатки благосклонной!
 Ты родился подъ иглой
 Отагинки чернобровой,
 Послѣ робости суровой
 И любви во тьмѣ ночной.
 Ты не пышной пестротой,
 Цвѣтомъ гордыхъ Узденей,
 Но смиренной простотою—
 Цвѣтомъ сѣверныхъ ночей
 Милъ для сердца и очей...
 Черенъ ты, какъ локонь длинный
 У цыганки кочевой;
 Мраченъ ты, какъ духъ пустынный—
 Сторожъ урны гробовой;